

АЛЬМАНАХ
литературного кружка ПГПИ

Молодость

ТОМСК
июнь 1949 г.

ПУШКИН - ГОРДОСТЬ И СЛАВА
мировой
и
русской
литературы

6 июня 1949 года всё прогрессивное человечество отмечает 150 лет со дня рождения Пушкина.

Имя Пушкина блистает в ряду имен лучших представителей великой русской нации. Это имя с гордостью назвал товарищ СТАЛИН в суровые годы войны, как олицетворение лучших качеств нашего народа: талантливости, свободолюбия, ясного ума, стойкого характера, пламенной любви к Родине.

Воплотив в себе эти великолепные качества, Пушкин своими гениальными произведениями возвеличил и прославил нашу Родину.

Он явился создателем современного русского литературного языка, на котором написаны все произведения великих корифеев русской классической литературы, языка, на котором написаны произведения великих наших вождей ЛЕНИНА и СТАЛИНА.

Воорав в себя все лучшее, что было накоплено предшествующим развитием литературы от Ломоносова до Державина и Жуковского, Пушкин наиболее полно выразил гений русского народа. Он был основателем и создателем новой национальной русской литературы. Бессмертные пушкинские творения проникнуты радостью национального своеобразия народа, осознавшего себя народом выдающимся, народом - великаном. Творчество Пушкина - явление, которое способствовало духовному укреплению русского народа, как нации.

Носителем патриотических устремлений является всегда народ, патриотами в старой России были те, кто хотел свобо-

ды для народа. Пушкин, в произведениях которого постоянно показывался народ, ощущается крепостничество, прославляется свобода, был истинным патриотом своей родины.

Обращаясь к истории России, Пушкин останавливал свой взор на событиях значительных, показывая борьбу за независимость, за развитие национальной, самобытной культуры.

Никакие тяжелые испытания не сломили русского народа.

"России было определено высокое предназначенье" - говорил поэт.

Творчество Пушкина развивалось на основе могучего роста национального самосознания народа, вызванного победами Отечественной войны 1812 г. и пробуждения революционного движения среди передовых слоев общества 1 четверти 19 века. Пушкину были понятны и близки стремления народа к освобождению. Вот почему во многих его стихах и прозаических произведениях звучит призыв к восстанию, сочувственно рисуется борьба угнетенных. С большим вниманием следил Пушкин за революционным движением и в странах Западной Европы. Пушкин был врагом реакционного и "Священного Союза", организованного Меттернихом и Александром I для удушения национально-освободительного движения.

Горячо приветствовал поэт восстание греческого народа против турецкого ига.

Он верил в народ, верил в торжество прогресса над реакцией. В замечательной своей "Вакхической песне" он возвещал торжество разума над мраком.

Обладая высоко развитым чувством национальной гордости, Пушкин был врагом космополитизма и раболепия перед иностранным.

С гордостью Пушкин говорил о многовековой русской культуре и русской литературе.

"Иانا словесность не носит на себе печати рабского унижения. Наши таланты благородны, независимы".

Уважая другие народы, Пушкин любил свой народ, ненавидел его врагов, а также тех безродных бродяг, у которых "там родина, где хорошо".

Пушкин был передовым человеком своей эпохи. Он явился создателем метода критического реализма задолго до появления его на западе.

Критический реализм Пушкина все более насыщался демократическими настроениями. Пушкин впервые создает образы не только дворянских революционеров /X глава "Евгения Онегина", "Дубровский" и "Выстрел"/, но и образы народных борцов /Пугачев, кузнец Архип и др./.

В "Евгении Онегине" Пушкин дает первую реалистическую историю молодого человека 19 века. В "Пиковой даме" он беспощадно разоблачает власть денег над человеком в буржуазном мире.

Творчество Пушкина - величайший этап русской национальной культуры, но вместе с тем его творчество имеет огромное всемирное значение.

Пушкин оказал огромное плодотворное влияние не только на последующих представителей русского критического реализма, но и на позднейших западных писателей, на развитие новой демократической литературы.

"Пушкин давно перерос границы своей страны. Все прогрессивное, культурное человечество преклоняется перед его

гением". /"Правда"/.

В наследии Пушкина народы всех стран находят до сих пор неиссякаемый источник глубоких мыслей и благородных чувств.

Пушкин, несмотря на то, что со времени появления первых его произведений прошло почти полтора столетия, живет и идет вместе со своим народом.

"Пушкин принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям... Каждая эпоха произносит о них свое суждение". /Белинский/

Нам, советским людям, современникам Ленина и Сталина, участникам величайших исторических событий, дорог и близок Пушкин, который видел через многие десятилетия, который стремился к освобождению народа, к новой эпохе торжества разума и свободы.

Сталинская эпоха претворила в жизнь самые драгоценные мечты и надежды Пушкина и других великих наших людей.

Россия стала страной впервые в истории проложившей путь к социализму и указавшей дорогу к свету, к счастью народам всего мира.

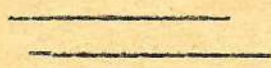
Строя коммунизм, мы поднимаем еще выше нашу передовую социалистическую культуру, впитавшую в себя все лучшее, что создано великими нашими писателями.

Строители коммунистического общества читают произведения, рисующие жизнь и героические дела советского народа, рост могущества и силы великой Советской Родины. Но они читают ^{также} Пушкина и Толстого, Белинского и Чернышевского, Некрасова и Чехова, черпая из книг классиков

знания прошлого своей страны, вдохновляясь бессмертными произведениями мастеров художественного творчества, находя в них созвучные чувства и мысли.

Отмечая 150 - ление со дня рождения Пушкина, весь советский народ отдает дань благоговения и уважения памяти гения русской и мировой культуры.

Нам дорог Пушкин - величайший поэт всех времен и народов, поэт, чье вдохновенное слово звучит и теперь по всей великой стране социализма.

ПУШКИН о Ломоносове и Тредьяковском.

Значение русской литературы XVIII в. в истории развития всей нашей литературы чрезвычайно велико.

Но в эпоху Пушкина представители реакции выколачивали из творчества великих русских писателей XVIII в. все идейно ценное, старались представить их прислужниками самодержавия, стремились, таким образом, их сделать своим знаменем, требовали перед ними преклонения и новую русскую литературу ставили в стеснительные рамки, мешали её поступательному движению вперёд.

"Обветшалый классицизм, по выражению Белинского, как мертвец хватал за ноги живых. Пушкин в своих критических статьях объявил борьбу со всем обветшалым и косным.

В 1834 г. Пушкин решает обобщить свои разбросанные заметки и написать историю русской литературы, исследовать литературу XVIII в. и установить её законное место в истории русской литературы, низвергнуть искусственно введённые кумиры XVIII в.

К сожалению, Пушкин написал только начало статьи и план её. Рассмотрев этот план, мы видим, что Пушкин литературу XVIII века не считает ничтожностью, но недостаток её он видит в энигонстве классицизму.

У Пушкина мы имеем ряд высказываний о Ломоносове: Пушкин высоко ценит Ломоносова. Он называет его: "Великим сподвижником великого Петра" (о предисловии г-на Лемонте к переводу басен Крылова). Он считает, что лучшие произведения Ломоносова "останутся вечными памятниками русской словесности". В своей творческой практике он во многом отношении сам следует за Ломоносовым. Так он воспекает Петра Великого, как гениального строителя реформатора, государствен-

ного деятеля, талантливого полководца. В произведениях Пушкина мы можем найти такие картины (изображение Петра и Стансов), которые перекликаются с ломоносовскими

(Безусловно, Пушкин гораздо более критически нежели Ломоносов относился к Петру).

Ключевой отзыв Пушкина о Ломоносове (послание к Жуковскому 1816 г.) остался безусловно в силе для Пушкина и в последующий период его жизни. Пушкин, имея в виду Сумарокова, говорит:

Ему-ль оспаривать тот лавровый венец,
В котором возббестал бессмертный наш певец
Веселье россия полунощное диво.

Бессмертным певцом, весельем Россиян и полунощным дивом Пушкин называет Ломоносова.

В плане замышляемой истории русской литературы Пушкин отмечает худ. достоинства ломоносовской оды "на взятие Хотина". "Ломоносов пленённый гармонией рифма, пишет в первой своей молодости оду, исполненную живости..."

Пушкин высоко ценит язык и стих Ломоносова. Вот, что он пишет по этому поводу: "Слог его ровный, цветущий и живописный". Особенно Пушкин ценит в Ломоносове то, что он понимал значение простонародного языка. Пушкин считает главным достоинством языка Ломоносова глубокое знание книжного славянского языка, и, как выражается Пушкин "счастливое влияние одного в языке простонародным". Самая красота, живописность Ломоносовского языка, по мне-

нию Пушкина, связана с этим последним: "Слог егоровский цветущий и живописный яс..... главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным".

Таким образом, следует признать, что творческая деятельность Ломоносова в глазах Пушкина была крупнейшим явлением в истории русской литературы. Но критическая деятельность Пушкина была направлена к тому, чтобы наметить новые пути развития для современной ему русской литературы.

Пушкин - критик считал необходимым обсудить всё, что тянет назад и что в его эпоху является уже обветшалым (как например, классицизм с его законами и правилами).

К тому же, признавая великие Ломоносова, Пушкин видел и недостатки в его творчестве. Пушкин останавливается на такой черте ограниченности, в творческой деятельности великого поэта, как то, что Ломоносов мало останавливал своё внимание на теневых сторонах русской жизни и его оды характеризуются преимущественно панетризмом. Этим самым Пушкин призывал современную ему литературу критиковать тёмные стороны российской действительности. Сторонник реализма Пушкин иногда осуждал в Ломоносовских одах "высокопарность, изысканность", т.е. торжественность стиля. Пушкин понимал, что Ломоносова часто вставляли писать оды на случай, и вот эти то оды - "результат, - как выразился Пушкин - "..... должностного упражнения" - он и не считал высокими.

4
Пушкин преклонялся перед величием Ломоносова, но всё же считал, что современная ему русская литература должна идти дальше Ломоносова.

Современники Пушкина не умели оценить по достоинству Тредьяковского. В их глазах этот "труженик" учёный первый языковед, литературовед, разночинец, представлялся часто каким-то шутком, бездарностью. Гениальный Пушкин новизны Тредьяковского и сумел оценить всё значение ^{его} деятельности в истории русской литературы. Пушкин тщательно изучает творчество Тредьяковского, особенно его трактат "Способ к сложению российских стихов".

Пушкин особенно ценил Тредьяковского за то, что он в своей разработке тонического стиха ориентировался на русскую народную песню. Эти филологические изыскания Тредьяковского Пушкин высоко ценил "его филологические и грамматические изыскания очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие"... ("Путешествие из Москвы в Петербург).

Пушкин ценит довольно высоко и поэтические опыты Тредьяковского, отмечает его любовь к эпосу.

Пушкин ценил в Тредьяковском поэта, для которого поэзия не забава, а труд, и назвал Тредьяковского "вечным тружеником".

В своей критике Пушкин отнюдь не был равнодушным созерцателем, его критика не грешит академизмом, объективизмом. Критикуя, он полемизирует с представителями реакции, как страстный публицист доказывает необходи-

мость обличения современной ему реакции, необходимость борьбы со всем ожившим. Не удивительна высокая оценка Пушкиным Кантемира, совершенно справедливо Пушкин говорит о Кантемире : " Кантемир является зачинателем у нас сатирического направления". Пушкин дает в своих статьях отповедь всем приверженцам старого, классицистического, всем отвергающим новую реалистическую литературу. Пушкин старался доказать, что всё изменяется, что надо идти всё время вперед. —

Литературная Пушкина

А. С. Пушкин — гениальный художник, сочетающий в себе и поэта, и драматурга, и прозаика, и критика. Однако, прежде всего Пушкин — поэт. В его поэзии значительное место занимает лирика. Лирика сопровождает всю творческую жизнь Пушкина. Живая, цельная личность поэта выступает из нее с наибольшей непосредственностью и полнотой.

Первое, что особенно бросается в глаза при рассмотрении лирики Пушкина — это насыщенность ее самым разнообразным содержанием.

История, современность, природа, события внешней жизни поэта, равно как и богатейший мир его внутренней жизни, мысли, чувств, настроения, радости и печали находят в его лирике яркое художественное выражение.

Личные мотивы сочетаются в лирике Пушкина с высокой гражданской ответственностью.

Значение гражданской лирики Пушкина исключительно велико. Оно было отмечено еще при жизни поэта в русской печати, несмотря на всевозможные препоны и рогатки цензуры.

Хорошо зафиксировано значение гражданской лирики в показаниях декабристов. Именно ее имел в виду Н. Тургенев, характеризуя настроения русского общества периода деятельности "Союза Благоденствия": "Подпольная литература, замечательная по силе эпиграмм и высоте политического вдохновения, показывала господствующее направление

умов в России. Эти небольшие произведения, неизвестные до тех пор, верно определяют дни своего появления как эпоху, полную надежды и размышлений."

Пушкин пришел в литературу под знаком самой передовой революционной идеологии своего времени, под знаком декабризма. Нельзя полностью понять и осмыслить движения декабристов без Пушкина, равно как нельзя понять истории формирования и развития мировоззрения Пушкина без декабристов. Гражданские стихи Пушкина были наиболее ярким выражением чисто политической лирики декабристов, и судьба их полностью совпадает с судьбой декабризма. Гордое свободолюбие, неизменный протест против всего косного, рабского, мешающего свободному расцвету личности, свободному развитию народа роднит Пушкина с декабристами и составляет одну из существеннейших сторон характера его творчества.

Многие Пушкина совпала с огромным политическим подъемом, охватившим русский народ. Этот подъем патриотизма был вызван Отечественной войной 1812 года, в которой Россия отстояла свою независимость и освободила Западную Европу от Наполеона. Чувство национальной гордости и собственного достоинства выросло в русском народе, в России начался подъем освободительного движения, который перекинулся и в страны Западной Европы.

Отечественная война и народное движение заставило передовых людей России задуматься над судьбами Родины. Оказывал влияние также и пример Франции, соросившей иго абсолютизма. Все это привело к восстанию декабристов

1825 года.

В такой революционной атмосфере формировалось мировоззрение Пушкина.

Война 1812 года застала Пушкина в лицее.

Уже в лицейские годы Пушкин проникается идеалами политической свободы, мечтает о низвержении самовластья, об установлении в России свободных политических порядков. В эти же годы быстро зреет и формируется литературный талант Пушкина.

Политические настроения Пушкина лицейской поры особенно ярко отражены в стихотворении "К Лицинию", где под видом подражания древнерусскому автору поэт яростно нападает на самодержавие Александра I и его "соратника" Аракчеева и поет гимн свободе.

Любимец деспота сенатом слабым правит,
На Рим простер ярем, отечество бесславит;
Ветулии - римлян царь!.. О стыд! О времена!
Я сердцем римлянин, кипит в груди свобода.
...Придет ужасный день, день мщенья, наказания,
Предвижу грозного величия конец:
Падет во прах всееленныя венец".

Эти строки написаны шестнадцатилетним юношей, выразившим презрение и ненависть к тиранам и рабству.

Гораздо ярче выразились настроения Пушкина после окончания лицея, когда он попал в Петербург и на свободе жадно впитывал в себя все новое, чем жило передовое столичное общество. Эти годы были временем нарастания первой волны революционного приоя - движения декабристов. Эти годы были временем окончательного оформи-

ления тайных политических обществ декабристов. Своих взглядов и настроений декабристы не скрывали и почти открыто пропагандировали ограничение и даже свержение самодержавия, резко обличали крепостное право и обсуждали различные способы освобождения крестьян. Многие друзья и товарищи Пушкина были участниками этого движения. Сам Пушкин не был членом тайного общества декабристов, он не был посвящен в тайну его существования, но жадно впитывал в себя атмосферу революционных дворянских кружков, вполне сочувствуя и помогая им распространять их взгляды.

Протест Пушкина приобретает конкретные формы, революционное содержание. "Вольные стихи" и едкие эпиграммы исполнены неумолимого презрения и жгучей ненависти к "самрвластительным злодеям" на троне и их "холопам" в военных и чиновничьих мундирах, к барству, угнетающему крепостное крестьянство.

В написанной в 1817 г. известной оде "Вольность" и год спустя в послании "К Чаадаеву" Пушкин прекрасно передает господствовавшее тогда в кругах передовых людей сознание того, что жить без возвышенных целей невозможно, что невозможно лишь стремиться к личному благу, утехам любви, к славе, разгульной жизни, — надо служить обществу, отчизне. Это была пора какой-то влюбленности в идеалы свободы.

В оде "Вольность" как раз Пушкин и стремится показать, что его не удовлетворяют, не устраивают песни насладенья и буйного веселья, и он стремится отойти от них, заменить их новыми песнями и гимнами, гимнами и

песнями свободы:

"Беги, сокройся от очей
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица!
Приди, сорви с меня венки,
Разбей изнеженную лиру!
Хочу воспеть своорду миру
На тронах поразить порок.

Осматриваясь вокруг, поэт видит горестную картину современной ему действительности и старается вынести виновникам тяжелой жизни суровый приговор:

"Увы! Куда ни брошу взор,
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Восседа - рабства грозный гений
И славы роковая страсть.

Читатели нелегальных списков "Вольности" обращали ее строфы непосредственно против русского царя:

"Самовластительный злодеи!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, сдых природы,
Упрек ты оогу на земле".

Эти строфы оды были использованы декабристами, считавшими, что во имя победы революции, уничтожение рода Романовых является необходимостью.

"Вольность" будила мысль, воспитывала политическое мужество, звала к борьбе. В оде налицо прямой призыв к восстанию, к насильственному низвержению самодержавия:

"Тираны мира! Трепещите!

А вы, мужайтесь и внимайте,

Восстаньте, падшие рабы!

Еще с большей силой и уверенностью прозвучал голос Пушкина в послании "К Чаадаеву", в котором от лица всех передовых людей поэт заявил:

"Пока свободою горим

Пока сердца для чести живы,

Мой друг, отчизне посвятим

Души прекрасные порывы".

Стихотворение заканчивалось словами, полными беззаветной веры в светлое будущее:

"Товарищ верь: взойдет она

Звезда пленительного счастья,

Россия вспрянет ото сна,

И на обломках самовластья

Напишут наши имена!"

Наряду с резкой критикой и обличением самодержавия, Пушкин гневно клеймит и разоблачает социальное зло - крепостное право. Особенно сильно это разоблачение звучит в стихотворении "Деревня".

Стихотворение распадается на две части:

В первой - поэт восхищается прелестью деревенской приро-

ды, с восторгом смотрит на "темный сад с его прохла-
дой и цветами, на луг, уставленный душистыми скирдами,
на светлые ручьи" и т.д.

Однако, чуткий взор поэта - гражданина не мог не
разглядеть и оборотной стороны картины, -картины действ-
ительной жизни крепостной деревни. Вторая половина
стихотворения - резкий контраст идиллической первой
части. Поэтому не удивительно, появиться в печати
она долгое время, даже после отмены крепостного права,
не могла.

"Но мысль ужасная здесь душу омрачает, -говорит по-
эт,-
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества глумительный позор...
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца...
...Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и вклонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти развратного злодея"...

Невежество, темнота, рабство - вот что ужаснуло по-
эта. Когда Пушкин увидел подлинную жизнь крестьяни-
на, ему захотелось закричать обо всех ужасах этой жи-
зни, закричать, чтобы все ужаснулись вместе с ним.

"О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит, бесплодный жар
И не дан мне в удел витийства грозный дар?"

Данная поэтом характеристика крепостного рабства в

оде звучала очень революционно и была по-своему использована декабристами, противниками крепостничества, как /неоспоримый документ/ неопровержимый документ, требующий уничтожения раства.

Весьма популярными были и эпиграммы Пушкина на царя, Аракчеева, архимандрита Фотия и др. Злые и меткие, они действовали прямо безошибочно, делая самодержавие не только смешным, но и ненавистным. Печатать их было нельзя, но они тысячами расходились в списках. "Не было ни одного прогрессивно настроенного человека, - говорит современник, - который бы не зная их, не переписывал и не передавал дальше". Стихотворения и эпиграммы Пушкина, осуждавшие самодержавие, крепостное право и воспевавшие свободу, играли роль декабрьских прокламаций и широко были ими /декабристами/ использованы для подрыва авторитета царя, приближенных его, церкви и для разъяснения своих взглядов.

Русскому царю, "венчанному солдату", Пушкин, по его словам, "подсвистывал всю жизнь". Эгоистичный, самолюбивый, мелочный, трусливый и двуличный Александр 1, прежде всего заслуживал едкой эпиграммы и насмешки, которая бы до конца развенчала его, сорвала бы с него маску и ореол величия.

Пушкин язвительно высмеял царя и его политику в ряде эпиграмм и особенно в "сказках", политику, относившуюся ко времени создания "Священного Союза", справедливо называемого "Союзом царей против своих народов"

Страсть царя к военщине Пушкин также высмеял:

"Желали прав они, права им и даны:

Из узких сделаны широкими штаны".

Или:

"Хотел издать он Ликурговы законы

И что же издал он? Лишь кант на панталоны".

Царю же посвящены эпиграммы: "Двум Александрам Павловичам", "Воспитанный под барабаном", "к осыту завоевателя", в которых поэт выставляет напоказ тупость, мелочность, трусость и двуличие Александра I.

"Холопу венчанного солдата", русскому деспоту, прославившемуся своею жестокостью, - Аракчееву, не раз доставалось от поэта. Эпиграммы Пушкина дают ему меткую характеристику:

"Всей России притеснитель,

Губернаторов мучитель,

И совета он учитель,

А царю он - друг и брат.

Полон злобы, полон мести,

Без ума, без чувств, без чести.

Кто же он, "преданный без лести"?

Просто грошевой солдат".

Мистические увлечения Александра, вызванные и навеянные косвенным участием в убиении отца, заставили его окружить себя и приобщить ко двору разного рода "духовных отцов" - фанатиков, мистиков, шарлатанов и проходивцев. Особенным успехом пользовался известный архимандрит Фотий, фанатик, в то же время ловкий мошен-

ник, заклеименный следующей эпитафией:

Полу-фанатик, полу-плут;
Ему орудием духовным -
Проклятье, мечь и крест, и кнут.
Пошли нам, господи, греховным
Поменьше пастырей таких-
Полу-благих, полу-святых.

Так клеил Пушкин царя и его приближенных.

В ссылке Пушкин общается с юными декабристами, жадно рвется к немедленному революционному действию, высказывает самые радикальные, "радищевские" взгляды на крепостничество и самодержавие.

Общение с видными деятелями "Южного общества" оказало большое влияние на политическое развитие Пушкина. Его оппозиционные настроения крепнут. Этому же способствовали и события в Европе: пылала революция в Испании, в Неаполе. Восстала против своих угнетателей Греция. Пушкин восторженно следил за ходом всех этих событий. Никогда вообще он не был так революционно настроен, как в эти годы. Пушкин ждал прихода революции. Он писал:

"Вы, ветры, бури, взройте воды,
Разружьте гибельный оплот, -
Где ты, /где ты/, гроза, символ свободы,
Промчись поверх невольных вод!

За время пребывания Пушкина на юге им написано большое количество революционных произведений, посвященных деятелям революционного движения. Таковы послания "Давы-

дову", второе послание "Чаадаеву", "Пестелю"; Пушкин начинает писать поэму о Вадиме, борце за свободу великого Новгорода, набрасывает план драмы, где барин проигрывает в карты своего верного слугу, пишет ряд эпиграмм на царя и сановников, стихотворение "Кинжал", воспринятое современниками как призыв к царюоизству.

Нельзя не отметить и тех стихотворений, в которых Пушкин выступил против тупости, мелочности, излишней нелепой строгости тогдашней цензуры. Горячий сторонник просвещения, стремившийся "глаголом жечь сердца людей", поэт высоко ценил печатное слово и прекрасно пользовался им для защиты угнетенных, для пропаганды идеи просвещения и свободы. Находясь в изгнании, рискуя навлечь на себя новые преследования, Пушкин пишет стихотворение, первое "Послание цензору", в котором рисует идеал разумного цензора, цензора-гражданина, который

... "должен ум иметь прямой и просвещенный,
... мненья не теснит и разум терпит он,
... полезной истине путей не заграждает,
Живой поэзии развиться не мешает.
Он друг писателю, пред знатью не труслив,
Имагоразумен, тверд, свободен, справедлив"...

Но цензоров с такими качествами в России в то время не было. Пушкин, вполне осознавая это, со всей силой своего таланта обрушивается на "российского" цензора, типа Гирукова, Красовского и им подобным:

"А ты, глупец и трус! Что делаешь ты с нами, -
обращается поэт к цензору, подразумевая именно Гирукова, -

Где должно обумствовать, ты хлопаешь глазами,
Не понимая нас, меряешь и дербишь;
Ты черным белое по прихоти зовешь,
Сатиру - пасквилем, поэзию - развратом,
Глас правды - митежом, Куницына - Маратом.
Решил - а там поди, хоть на тебя проси!
Скажи, не стыдно ли, что на святой Руси,
благодаря тебе не видим книг доселе?"

Все политические стихотворения Пушкина были очень популярны и были широко известны в рядах передовой части общества, особенно среди военных и влияние их было огромно.

"Не было в то время ни одного, сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии, - писал декабрист Якушкин, - который бы не знал революционных стихов Пушкина "наизусть".

Близко примыкая по взглядам к тайному обществу декабристов и являясь, как-бы, их поэтическим вождем, Пушкин, однако не был его членом. Пушкин не был посвящен в тайну существования революционной организации: декабристы берегли его, как огромный талант, и находили, что пером своим он достаточно много работает для их цели.

Шли долгие годы ссылки. Пушкину стало ясно, что надеждам его на приход грядущей революции сбыться не суждено: с помощью "Священного Союза" реакция всюду заглушила революционное движение, что произвело на Пушкина угнетающее впечатление. Пушкин, человек исключительного ума и проницательности, одним из первых начинает понимать основную причину слабости движения дворянских революционеров - оторванность от широких народных масс. Ему становится яс-

но, что только то движение может достичь своей цели, которое осуществляется вместе с народом, сильной его поддержкой. Эти мысли Пушкина нашли выражение в стихотворении "Свободы сеятель пустынный", где он прямо говорит, что почва для начала революционной борьбы еще недостаточно тверда, а потому движение может и должно потерпеть крах; и в стихотворении "Кто, волны, вас остановил?" и, особенно, в исторической трагедии "Борис Годунов", в которой проблема народа и власти разрешается Пушкиным очень верно.

14 декабря 1825 г. Сенатская площадь Петербурга огласилась залпами царских пушек. Движение декабристов было разгромлено.

Пушкин болезненно воспринял эту тяжелую весть. "Новиненные - повешены, - писал Пушкин, - но каторга 120 братьев, друзей, товарищей - ужасна". Дело декабристов погибло, но Пушкин не мог забыть о них и постоянно думал о их судьбе.

Когда жена декабриста Муравьева героически последовала за своим мужем в далекую Сибирь, Пушкин написал и послал с Муравьевой ссыльным героям пламенный привет:

"Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут."

В этом стихотворении характерно то, что Пушкин не только утешает сосланных на каторгу надеждой освобождения — "придет желанная "пора", но показывает как и когда придет эта "пора". Последним четверостишьем Пушкин ясно говорит, что свобода восторжествует только после свержения самовластия, уничтоженного мечами братьев декабристов.

"В стихотв. "19 октября 1827 г.", написанном к очередной лицейской годовщине, Пушкин снова приветствует своих друзей — лицейстов, часть которых томилась в Сибири:

"Бог помочь вам,
Друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли".

Личное чувство Пушкина к декабристам до конца остается неизменным. Несмотря на то, что говорить об этом в годы разгула реакции было невозможно, Пушкин, прибегая к намекам, иносказаниям и завуалированию мысли, все же говорил и подчеркивал, что он связан идеино с декабристами. В написанном в том же 1827 г. стихотворении "Арион", Пушкин, подразумевая себя и декабристов, лаконично — тремя словами, — точно определил степень своего участия в движении:

"Пловцам я пел".

Уцелев от "катастрофы", поэт видел свой долг в продолжении дела декабристов. Выполнить эту задачу было нелегко: каждый намек на борьбу с самодержавием мог вы

вать суровую кару. Но поэт был верен своему долгу - продолжал оставаться певцом свободы.

В написанном в 1828 г. стихотворении "Анчар" в символической форме Пушкин выразил протест против власти человека над человеком, против деспота, посылающего своего раба на смерть ради своих корыстных целей. Это протест против всякой власти над личностью, это лозунг свободы.

Незадолго до смерти, Пушкин, подводя итоги своей деятельности, определил в стихотворении "Памятник" такими словами свое значение:

"И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал".

Пушкин был тонким литератором - политиком, совершившим великое дело создания национальной реалистической литературы, несмотря на препятствия, которые ставило ему самодержавно-крепостнический режим.

Пушкин возглавлял боевое крыло русской литературы того времени.

Пушкин правильно понимал развитие общества, верил, что исторически прогресс не могут остановить никакие силы.

Пушкин смотрел вперед через головы современников и уже тогда видел вдали светлые, хотя еще не совсем ясные черты будущего. Отсюда исходит его обращение к тем, кто свергнет "самовластье" и на его "осломках" напишет имена борцов за свободу.

Отца

Стинки

ЛЕОНИДА ТОЛМАЧЁВА

Я помню сорок третий год,
Год юбилея комсомола;
Его встречал весь наш народ,
Захваченный войной тяжелой.

Еще лилась обильно кровь
На наши выжженные пашни,
Еще фашист стремился вновь
Вернуть себе успех вчерашний...

Но в этот сорок третий год
Вперед шла армия России -
Так грозный океан идёт
В прилив на берега крутые.

И я был каплей в той волне,
Я тоже дрался за свободу
И за билет, который мне
Дал комсомол перед походом.

Я в этот год суровый взял
Его, как высшую награду
Я в этот год солдатом встал
С сынами комсомола рядом.

Мы шли вперед за жизнь свою,
Стояла Родина за нами,
И осеняло нас в бою
Святое Ленинское знамя! ...

ж

Томь

Проходят холодные волны, играя,
Их гребни алмазами орызжут вдали.
Красавица края, мне с детства родная,
Ты ведаешь тайны Сибирской земли.

Веками течёшь ты знакомой дорогой,
Твой путь до Оси от Алтаевых плеч.
Ты видела город старинным острогом,
Ты слушала долго нерусскую речь.

Ты помнишь и ссыльных страдальные песни,
Гонимых царизмом в сибирский острог...
Не солоно-ль было воине твоей пресной
От стона и звона кандалных дорог?!

И там, где сейчас на горе, по центральи,
Кудрявыи цветет вокруг озера сад,
Остроги и крепости долго стояли,
Оскаливши зубы сосновых оград!

II.

В лесах, где деревья лишь дико шумели,
Работает с песней теперь лесоруб;
В таежные дебри пройти мы сумели,
И их покорил наш стахановский труд.

И эхом несутся над Томью-рекою
Громы и звуки великих работ
Все это — близкое нам и родное,
Все это жизнью труда живёт.

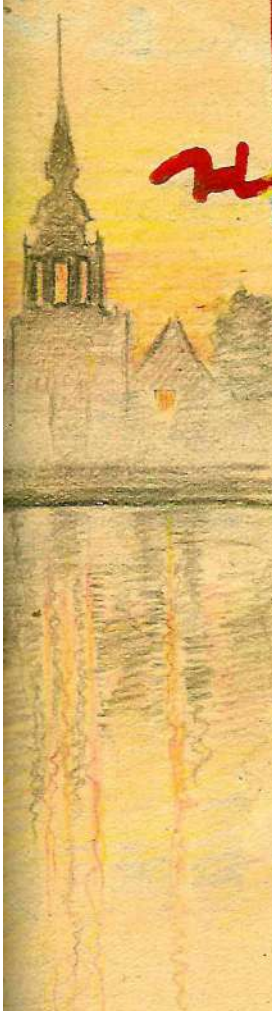
Утрами над берегом в сини туманной,
Когда разливается нежный рассвет,
Встают корпуса белокаменных зданий,
Заводы и фабрики Сталинских лет!

Урожайное

Хлеба смеется колодом
 И кланяются нам;
 Частят знакомым голосом
 Комбайны по полям;
 И льют зерно отборное
 В большие бункера...
 Частят, частят, проворные,
 Стальные хедера.
 Идет старик, как смолоду -
 Коси коса плеча,
 Нагоним юным колоду!
 Работа горяча!
 А юноши бригадами
 С комбайнами идут -
 Покажем, дед, как надо нам
 Поднять колхозный труд!
 И любо всё, и мило всё,
 И стар поет и млад...
 Звенит коса, поёт коса,
 И хедера частят.

НОЧЬ НАД ГОРОДОМ

Над нами родное вечернее небо
Бросает на город ласкающий взгляд...
Сидим на террасе. Я раньше здесь не был,
Но видел террасу и видел тебя...

Стоят в небе тучи, как будто заснули,
А ниже под ними огнями горя,
Раскинулся город порядками улиц;
И здания тоже, как мы, говорят...

То слышится шум от работы моторов,
Он льется в единый ритмичный поток;
То фабрику гудки запоют в переспорах,
А ночь уж кончается... Ясен восток.

Все тише кругом. Звезды свет потеряли.
На запад ползет эта синяя тень,
Лучи золотые окрасили дали,
С приветом идет наступающий день.

И город встанет. Закипает работа;
И песня труда неудержимо растёт...
Я руку твою отдаю неохотно,
Но время рабочее тоже не ждёт.

Студенческая

А ну-ка песню запоем, друзья-студенты,
О наших чувствах нужно рассказать.
Мы томские студенты, сибирские студенты,
-Нам есть зачем, нам есть что изучать!

Сибирь, хоть и сурова,
но богата

И сколько нового она в себе таит!
Для нас студентов томских,
В родной Сибири нашей
Огромная работа предстоит.

И мы все сделаем, мы все преодолеем,
Таигу глухую в сад преобразим,
Для матери-Сибири, для Родины любимой
Мы силы молодые отдадим.

Года учебы быстро пролетают
Мы станем членами строителей семьи
Учись, трудись, работай,
ты окружен заботой
Правительства родной своей земли.

Вальнее смерти

Посвящается Герою Советского
Союза комсомольцу-томицу
И в а н у Ч Е Р Н Ы Х .

"И стала смерть началом их
бессмертья.
Такой народ не будет побежден

И ночью и днем кононада,
Земли оожжено лицо...
Под стенами Ленинграда
Сжималось блокады кольцо..

Держались, стояли на смерть,
Слабел наступающий враг,
За жизнь борясь и за счастье,
Отбросили сотни атак!

Но снова орудия взревели
Взметнулись комья земли,
Осколки опять засвистели,
Фашистские танки пошли.

Задание ясно...

Квадрат "105"...

Немецкие танки с землей смешать...
Синее небо пропал ер рвет,
Снова в полёте пилот...

Тучи бегут назад, назад...
Сетка дорог внизу...
Села большими кострами дымят..
Вражьи колонны ползут..

И птицы стальные летят вперед,
Советские люди в них.
И свой самолёт на врага ведёт
Комсомолец Иван Черных...

Все ближе, ближе зениток гвалт:
-Халыт! Халыт! Халыт!...

Небо усеяли дымов кусты -
Залпы плотны и густы..

Взрыв!..

И осколков секущий удар
Бросили в машину пожар..

Ветер по крыльям огонь расплескал.
Дым, расползаясь, за горло взял..

Прыгать?..

Но сомов не соросил!..

Враг пройдет...

Нет! - мгновенно решает пилот.

3.

Небо исчезло с рывком руля,
Только земля, земля, земля
Бешено кружится, мчится в глаза..
Нет дороги назад!..

.....

Смокли зенитки..

Ликует враг...

Спокоен пехоты разобиничий шаг..

Пьяные глотки в восторге ревут:

-Русским зольдат капут!..

Радость в глазах комсомольца захлослась:

Хитрость его удалась.. Удалась!..

.....

Вот они!

Грязно-зелёная сталь,

Свастики лапы и хриплый - Хаилы!..-

Ориентир - горящая ель...

Бомбы несутся в цель.

4.

Сильно качнула взрывная волна..

Удачи радостью грудь полна..

Миг!.. И машина ушла в облака

Словно ракета, остра и ярка...

Снова, опомнясь, зенитки бьют,
Трасы из пуль пулемёты вьют..
Как беспощадный карающий рок
Кружит машина над сеткой дорог...

.....
Ярко.. Удушливый чёрный дым
Кроет казину туманом густым..
Сердцами отважных живёт самолёт..
Друзей окликает пилот:

-Сема!.. Назар!..
Живы ещё...

Новый клонне дадим расчёт...

Как пулеметы?.. -Патронов нет,-

В хрипящих наушниках слышен ответ.

Ни бомб, ни патронов...

Открыть для смерти родную дверь!
Что же теперь?..

Свободно пустить на родной порог!

Дать ей разлиться по руслам дорог?..

Нет!.. Никогда! И в решении твёрд,

Таран избирает пилот...

5.

- Слушай друзья!..

Самолет не спасти...

Немцев на город нельзя пропустить!..

Прыгайте ооа!..

Скажите там...

Да, словом, понятно вам...

Я остаюсь..

Но врагу не пройти,

Нет для него здесь ни шагу пути!..

Прощайте!..

Скорее!.. Домой напишите... Иван...

Колонну беру на таран!...

.....
И слышит ясный друзей ответ:

-Другой дороги нам, Ваня, нет...

Рванулись, навстречу снег, земля..

В колонну вражью нацелен взгляд..

Крепок союз бесстрашных сердец

Гибель - ещё не конец!..

Быстрее молнии мысли бег:
- В родной Сибири такой же снег...
Кедром за городом...Томь... Поля...
Прощай, родная,
 прощай земля!..

Родина - Мать!.. За тебя!
 Для тебя!..

И. Соколов.

Г. Томск

24 октября 1948 года.

УЧИТЕЛЬНИЦА

Она была хорошею и простою,
Она нас в жизнь большую повела.

Мы были
 неумелою детворою,
Она нам крылья
 острые дала.

И шаг за шагом, прибавляя ходу,
По новеньким страницам первых книг
Простую мудрость своего народа
Мы постигали, богодея дни...

Учительница.
 Я не знаю слова
Красивее, приятнее и теплее.

Учительница!
 Сколько дорогого
В ее словах и мыслях
 для детей!

Вгляни на улицу.
 Ее среди
 прохожих
Всегда отыщешь сразу,
 без труда:

Еи много лет,
 но нет
 ее моложе
И ласковей не будет никогда;
Она идет в цветеньи
 детских взглядов,
В задорном перезвоне голосов.

Она -
 садовник
 дорогого сада,
Бесценнейшего сада из садов.

Ты, может быть, далек от той минуты,
Когда в глаза ей первый раз взглянул,
Ты может быть за сотни верст оттуда,
Где с ней, волнуясь, в мир наук шагнул.
Но все ж ты помнишь класс шумливы и веселы
Ты помнишь трудности и радости побед...
Учительница и родная школа
В сердцах у нас на много, много лет.

Талина Морозова

Небо разгорается зарею,
Розовеет в мареве восток,
И играет весело со мною
Озорной веселый ветерок.

Воробьи на проводах расселись
И кричат, что кончилась зима,
Что совсем немного, — две недели,
И земля проснется ото сна.

Что запахнет сизыми дымками,
Что ручьи под снегом задурчат,
И весна, играя с ручейками,
Разоросает солнечных зайчат,
Что мороз уже утрами только,
Что потом зазвывает капель,
И веселой шаловливой полькой
Побежит по улицам апрель...

Я вдохнула ветерок душистый —
— Он и вправду солнышком пропах,
И дымком, и версою серебристой,
И медункой синей на лугах...

И сквозь мглу белесую тумана
Светлый лучик на сугробы лёг
И на крышах, в пальчиках стеклянных
Озорные искорки зажег.

ПРОЗА

ДНАЩОВИ ЗИМОЙ...

Кончились уроки, но ребята не расходились: учитель объявил, что после занятия расскажет о чем-то интересном. Все догадывались о чем он будет говорить и ждали с нетерпением.

Наконец учитель пришёл.

-Ну, вот, ребята, - сказал он, весело, - через два дня Новый год. А елка наша еще растет в лесу. Нужно за ней съездить. Вашему классу, как старшему, мы решили это поручить.

Ребята зашумели, наперебой предлагая учителю свои услуги.

-Успокойтесь, - попросил он. - Съездить в лес - дело не хитрое, но нужно найти такую елку, что была под самым потолком, красивая, стройная.

-Поручим елку Норгусуну, он здесь все места знает, и упражка у него хорошая, съездит быстро, а в помощь дадим Колю. Согласен Николай?

После некоторых споров ребята согласились с учителем: Норгусун ко всему был отличником.

Прощавшись с учителем, школьники отправились по домам.

Солнце давно закатилось и ранний полярный вечер упал на занесенную снегом землю. В высоком небе дрожали звезды и они были такие маленькие, что казались меньше оу синок.

-Это они от холода дрожат, - нарушил молчание Николай.

дома их стояли рядом, в конце наслега, расположенного на крутом берегу Лены. Если отсюда посмотреть на север, то увидишь бескрайнюю снежную пустыню — это тундра. Посмотришь на юг, вдали чернеют хребты — там тайга. Между налегом и хребтами тянутся редкие перелески, это тайга переходит в тундру.

Нюргусун любит эту землю. Ему всего тринадцать лет, а он в колхозе считается неплохим охотником. Знает, как поставить пасть на песца, умеет поймать арканом быстрого оленя.

А как он ездит на собачьей упряжке! Даже старый бригадир Нохсоров однажды сказал:

— Молодец, парень! Недаром тебя зовут Нюргусуном.

А Нюргусун по-якутски — стремительный. И действительно, когда едет он на своей нарте, то только снежная пыль клуется. Как вихрь несутся собаки, послушные крику хозяина. "Тох, тох", "Тодох, тодох" — командует мальчик и упряжка сворачивает то налево, то направо, с лаем и визгом по широкой улице наслега...

Остановившись перед домом, Нюргусун сказал товарищу:

— Нарты завтра запряжем твои, они будут попросторней наших. Яку-то надо большую привезти.

— Ладно, — ответил Николай, открывая калитку

II.

Нюргусун проснулся, когда за окном еще стояла сплошная темь. Соросил с себя заячье одеяло, умылся колодной водой и обудся в мягкие, как замша, сохатинные торбазы.

Притопнув ногой, он боком прошлся по комнате.

— Тихе ты, оаловень, — тихо, но строго одернула его

мать, ставя на стол тарелку с дымящимся мясом, — сестренки разбудены!

Позавтракав, мальчик начал собираться в путь. Надел кухлянку, повесил на плечо винтовку, пристегнул к поясу охотничий нож с костяной ручкой. В низкой печи пылал огонь; свет лился из открытой дверцы, падал на выбеленные стены, переливался на закуржавленных стеклах, озарял над отцовским столом портрет Сталина. И так не захотелось уходить Нюргусуну из теплой избы, но вспомнил он, что едет за Ёлкой, и что это важное дело. Перед глазами встала Ёлка, вся украшенная, раззолоченная огнями.

Никрлай был уже на дворе. Он очищал полозья нарт, распутывал постромки. Несколько дружных усилий и упряжка готова в дорогу.

Ловко запрыгнув на тронувшуюся нарту, Нюргусун крикнул товарищу:

— Едем в широкую падь. Я летом видел там хорошие Ёлки. И зимовье недалеко, может погреемся.

Через несколько минут они выехали из наслега. Собаки с лаем мчались по тундре. На голубой скатерти снегов чернели дома, да над ними неподвижными столбами стоял дым. А потом все скрылось в бескрайнем просторе снегов, и лишь встречный ветер тоненько стонал в ушах, обжигая лицо.

Часа через полтора они подехали к лесу: это и была широкая падь. Собаки, подбежав к опушке, как по команде, улеглись.

— Однако, еще рано, — сказал Нюргусун, спрыгнув с нарты и расстакивая хореем животных, — тут и веника не на-

домаешь, не то что Ёлку.

Лес был низкорослый, обычный для севера. Попадались Ёлки, но все неподходящие: у основания двумя руками не обхватишь, а на высоте груди тонки как хорея. В поисках ходили долго. Николай хлопал рукавицами, согревая руки. Нюргусун как будто не замечал мороза и бежал от дерева к дереву, утоная в снегу по пояс.

Лес стоял тихий и как будто нахмуренный. Это казалось потому, что чёрные ветви, засыпанные сверху снегом были словно лохматые брови великанов. Нюргусун увидел Ёлку первым. Он зашёл вперед и в русле речушки увидел её. Она стояла, окруженная глубокими сугробами, стройная, развесистая.

-Николай, сюда-а-а! - закричал мальчик, прыгая возле дерева и уминая снег.

Вспугнутая криком с Ёлки взлетела белая полярная сова и, тяжело махая крыльями, упала в чащу леса.

-Хе, добрая Ёлка, - похвалил Нюргусун.

-Однако, очень большая, - заметил товарищ.

-Ничего, - Нюргусун ударил обухом топора по звонкому стволу. В такт ударов зашел разученную ещё в первом классе песню:

“Выросла Ёлка в лесу на горе.

У нее иголки зимой в серебре.

У нее на шишках ледышки стучат,

Снежное пальтишко лежит на плечах”.

Пел он по-якутски и не так, чтобы очень хорошо, но зато звонко и весело.

Вскоре дерево покачнулось и плавно упало в сугроб, утонув в нем. Завалили ребята Ёлку на нарту, для вер-

ности привязали крепкими кожаными ремнями и отправились в обратный путь.

Поехали по новой дороге, речушкой. Снег был здесь тверже - частые ветры утрамбовали его, и зимовье близко. Решили погреться.

Впереди шёл Нюргусун, указывая дорогу; рядом с нартами Николай.

Между деревьев показался просвет и, сразу же оттуда, из тундры, налетел порыв ветра. Мальчики в лесу не заметили как почернело и без того тусклое зимнее небо. Сейчас, на чистом месте они увидели, что надвигается пурга. Пошел редкий снег, заиграла позёмка и горизонт начал темнеть, темнеть.

Николай обратился к товарищу:

-Успеем доехать, Нюргусун?

Тот подумал, пристально посмотрел на небо.

-Если прямой дорогой - успеем.

Собаки стали жалобно скулить. Мальчики не обратили на них внимания - это всегда они перед пургой беспокоятся, и быстро поехали домой, взбирая самую короткую дорогу.

Вьюга еще не началась, но позёмка поднялась сильная.

Вдруг упряжка остановилась и вожак, взбирая в себя ветер, по-волчьи, протяжно завыл. Остальные собаки тоже стали беспокоиться, кидаясь в сторону ветра.

Нюргусун, шедший за несколько шагов впереди, вернулся и спросил у Николая причину беспокойства собак.

-Не знаю, - в недоумении ответил тот, - разве где волки?

Нюргусун пошел в сторону, куда кидались собаки.

Отойдя немного, он увидел за прошумевшей тучей снега полузамешанный след. Эти следы поразили мальчика. Они походили скорее всего на борозду, которую взрывает колхозный пропашник. Знакомый с повадками зверей, Норгусун смотрел на невиданный след, стараясь припомнить всех животных тайги и тундры.

Потом он вернулся к Николаю.

-Кто-то прошёл тут. След больно чудной.

Потом, помолчав и тихо добавил, взглянув на покрытое инеем лицо товарища, - человек прошёл, человек без лыж.

-Кто же без лыж по тундре ходит? - с сомнением спросил Николай.

-Не знаю, но вот что, Николай, давай свалим Ёлку и поедем туда. Он махнул в сторону следов.

-А не заблудимся? Видишь, как разыгралась, да и Ёлку жалко.

-Ёлку жалко? - Переспросил Норгусун, прищурив, и без того узкие глаза, - там может быть человек замерзает, а заблудиться и на печи можно! Нет, поедем. Они сняли с нарта дерево и поставили в снег. Норгусун сказал:

-Вернёмся обратно, возьмём, - куда денется?

Облегченные нарты легко покатались вперед.

III.

Человек лежал полузанесенным снегом. Ребята разгребли сугробы и с трудом повернули тело на спину. Посиневшее лицо было безжизненным и белым, как мел. Отряхнув иней с одежды, они увидели на незнакомце костом лет-

чика: короткую меховую куртку и огромные, из козлиной шкуры, сапоги.

-Как же он попал сюда? - пронеслось в их головах.

Руки дрожали от волнения, подкашивались ноги.

-Вдруг он замерз, умер?

Норгусун с Николаем начали тормошить лётчика, терли лицо, кричали.

-Шурга усиливалась. Уж закрылся горизонт серой мглой и ветер был такой бешеныи, что соивал с ног.

-Вот что, - сказал Норгусун, - едем скорее в зимовье, домой теперь не попадешь.

Они положили безжизненное тело на нарты и двинулись в сторону предполагаемого зимовья. До него было километра полтора. Путь шёл по ложине, так что сойтись было трудно. Вскоре за тучами снега показалась избушка. Занеся с трудом лётчика в неё, они разожгли огонь в сложенной из диких камней печурке, и принялись приводить в чувство спасенного. Наконец, после долгих усилий, лётчик открыл глаза и застонал. Потом он с трудом просунул руку за пазуху и стал там искать что-то. Мальчики бросились ему помогать.

-Норгусун, что это? - Николай подал товарищу синий конверт. Они наклонились к огню и при пляшущем свете камелька разобрали надпись: "Срочно пресопроводить в наследи... "дальше шёл перечень сёл, где было и их. ✓

-Видишь, срочно?

-Что же делать?

-Надо сейчас отвезти, - Норгусун посмотрел на товарища.

-Да, надо. Ведь это и в наш наслед.

-Вот, что - сказал Нюргусун, - ты оставайся с лётчиком, а я поеду. Он оправил кухлянку, кладя конверт за пазуху.

-Нет, ты оставайся, а я поеду, - возразил Николай.

Тот решительно оттолкнул его:

-Собаки у тебя чужие, слушаться будут плохо, - и, открыв низкую дверь зимовья, крикнул: "Смотри хорошо за лётчиком!"

На улице его обдало колючим снегом, обступило тьмой. Верно, ночь была лунная, но пурга была настолько сильной, что слабый лунный свет был почти незаметен и во тьме нельзя было увидеть поднятую руку.

Найдя вожака упряжки, Нюргусун тихонько толкнул его вперёд. Он нехотя сделал несколько шагов и повернул в сторону избушки. "Хр!" - Закричал Нюргусун. - "Хо", Хо! Собаки повиновались приказанию каюра и, преодолевая порывы встречного ветра, потащили нарту. Томительно-вяло тянется время. Сколько пройдено? Километр? Два? Может быть всего триста метров? По скрипу снега под полозьями, мальчик догадывается, что едет правильно, по ложине выходит к наследу. От холода начало коченеть тело. Голова тяжелела, словно наливалась свинцом, клонило ко сну. Он отогнал вялость, спрыгнул с нарт и побегал, придерживаясь рукой за обод.

-Вперед, вперед! - в такт неслетающей пурги, говорит Нюргусун.

Иногда становилось страшно. -Кругом мрак. Пляшут вихри, похожие на чудовища, налетают в упор и, ударив-

шись о него, рассыпаются, обдавая жгучими орыгами. Постепенно начинало вкрадываться сомнение в свои силы, в правильность направления. Но это было не надолго, так как в эти минуты сами-собою вспоминались рассказы про фронтовиков, про их мужество.

-Ох, ты! - громко крикнул Нюргусун самому себе, - пионер еще!" Приближалась ночь. Снег забивался за ворот, таял. Уставая бежать за нартами, мальчик садился в них, но быстро замерзал. Парка становилась твердой. Ух, как холодно. Снова соскакивал он с нарта и еле перебирая непослушными ногами, волочился за нею.

-А не вернуться ли обратно? - пронеслось в голове. Вместо ответа рука тянется за пазуху, она нащупывает драгоценный конверт.

Гордостью забилося сердце. Откуда-то, изнутри потекли силы в уставшее тело. Слово "Срочно!" - стоит перед глазами с такой отчетливостью, что каждый завиток буквы был словно вырезан на мамонтовом бивне.

Но вот собаки начали уставать, Нюргусун слышал как вожак, рыча кусал то одну, то другую постромку. Это значило, что утомленные животные плохо налегают на алыки. Нарты замедляли ход. Теперь нельзя было, ухватившись за них, бежать и согреваться. А пурга бушевала и бушевала. Упряжка остановилась. Нюргусун, с трудом передвигая ноги, подошел к ней. Что он увидел было сейчас самым страшным: на снегу, выбившись из сил, лежала собака. Вожак обнюхивал ее, а потом подняв морду протяжно, по-волчьи завыв. Остальные животные настолько устали, что не смогли даже спеть похоронную песню, а улеглись

рядом.

Нюргусун вытащил нож и обрезал алык. Подняв с трудом упряжку, он погнал её. Минут через пятнадцать упала вторая собака, потом третья. Оставшиеся не могли везти даже пустую нарту, и мальчик обрубил ремни. Держась за ошейник вожака поорел, время от времени щупая на груди конь ерт. Сожившись, втянув голову в меховой воротник парки, он шёл и шёл навстречу гремящему ветру.

Собака почувала наслег первой. Вырвавшись из ослабевшей руки мальчика, бросилась было вперед, но потом вернулась, как бы зовя его. Они дошли до забора. Нюргусун теперь различил силуэт крайней изомы, ия почти рядом окно, все сильнее и сильнее кидавшее танцующий свет.

19.

Елка на Новый год была необыкновенная. Украсили её, как никогда. А подарков под ней лежало столько, что и подсчитать было невозможно. Но самым замечательным оказалось то, что на елку пришел гость. Гостем был летчик, спасенный Нюргусунос и Николаем. Когда Иван Матвеевич закончил свою новогоднюю речь, гость попросил слово.

Он поздравил всех сообравшихся с Новым годом и, найдя глазами Нюргусуна с Николаем, которые сидели рядом, сказал:

-Двое ваших товарищей, двое пионеров, сделали большое и очень важное дело. Они помогли нам выполнить задание правительства. Смелые пионеры Нюргусун и Николай доставили срочное письмо, в котором говорилось, чтобы на прииске приготовились встретить транспортные самолеты, везущие оборудование. Письмо передано. Самолеты благополучно доставили груз. Летчик подошел к мальчишкам и крепко пожал им руки.

-Спасибо вам, ребята! Спасибо тебе, Нюргусун!

Возвращение

Старушка-соседка, Мария Петровна, проводив мужа на работу, а дочь в школу, хлопотливо собралась на базар.

Клава слышала, как она долго возилась с замком, который все не закрывался. Потом Мария Петровна отдала Клаве ключ, — «а то, не дай бог, оброну где-нибудь», — и вышла.

Девушка осталась одна. Она вернулась в свою комнату и снова села с книгой к открытому окну.

Из маленького садика тянуло на нее утренней весенней прохладой. Сладкий аромат черемухи плыл в воздухе. Ей вдруг захотелось прямо из окна выпрыгнуть на мягкую зеленую траву, побродиться в маленьких лужицах, оставшихся от ночного дождя или пробежаться по песчаной дорожке, подставив лицо и руки солнцу. Но надо было готовиться к экзамену. Придвинув стул ближе к окну, Клава углубилась в чтение.

Неожиданно раздался стук в наружную дверь. Кто бы это мог быть? — думала девушка, выходя в коридор. Она открыла. Широко распахнув дверь, высокий военный вошел в прихожую. За спиной у него висел вещевой мешок, через правую руку перекинута серая солдатская шинель, в левой — чемодан.

— Здравствуйте! — С улыбкой приветствовал он девушку, ставя чемодан на пол.

-Здравствуйте.

-Скажите, пожалуйста, Быстровы дома?

-Мария Петровна скоро должна прийти, а Григорий Александрович не раньше обеда - он на работе.

-Извините, то-есть как это понять на работе? Ведь он же на пенсии?

-Ну, что вы! Не успел он проводить сына на фронт, как пошел работать, - бойко ответила девушка. - А вы, собственно, кто будете? - вдруг спросила она.

-Гм-м... -неопределенно произнес вошедший, внимательно вглядываясь в Клаву. - "Странно, почему же она меня не узнает?"

Перед сержантом стояла, налитая здоровьем и свежестью круглолицая, ясноглазая девушка. - Неужели это она? "Ну, конечно, Клава!"

-Гм-м... Как выросла..

-Что вы на меня так смотрите? - смутилась Клава.

-Так... я бы вас попросил открыть комнату Быстровых. А то знаете, я только с поезда и опять мне надо на поезд, - поеду дальше. Я только посмотрю обстановку, положу на стол письмо и уйду, - думая совершенно о другом проговорил он. Но испохватившись, что сказал глупость, покраснел.

-Что вы! - возразила Клава, - разве можно! Да и ключа у меня нет, они взяли с собой. Вы посидите на кухне, подождите.

Сержант согласился и, взяв чемодан, осматриваясь, прошел в кухню. Неожиданно он подошел к полке, поднял занавеску и начал шарить рукой по углам.

-Что вы делаете?! - испуганно вскрикнула девушка. Она стояла рядом и недоуменно смотрела на него. На минуту ей показалось в военном что-то знакомое...

-Ключ ищут, мы его всегда здесь оставляли.

И Клава вспомнила.

-Вася! Неужели Вы?

-Конечно, Клава! Не узнала? Эх ты, - Василии с укоризной покачал головой.

-Ой, какой вы стали, - протянула Клава, с любопытством осматривая стройную фигуру Василия... - Большой...

Сержант улыбнулся.

-А ты, красивая...

-Ну, что вы, - Клава опустила глаза и окончательно смутившись, выбежала из кухни.

Вскоре она вернулась и с виноватой улыбкой протянула ключ Быстрову.

-Ах ты, оманщица, - пожурил Василий одительную соседку и торопливо открыв дверь, вошел в комнату.

-Вот я и дома! - скорее выдохнул, чем произнес он.

-Все попрежнему: этажерка, стол, шкаф, - Василии возбужденно шагал от стола к кровати, от кровати к этажерке, обводя взглядом сияющих глаз знакомые корешки книг. Взволнованно билось сердце: семь лет быть в разлуке с самыми близкими и дорогими сердцу людьми!

Он нарочно не дал телеграмму о своем выезде, не обмолвился словом о демобилизации. Ему хотелось явиться домой совершенно неожиданно. Хотя он и сознавал, что это не совсем хорошо по отношению к родным, но уж у каждого свой характер.

Встречу Василии представлял себе несколько иначе.

Еще в поезде, смотря через окно вагона на мрачную стену леса утопающего в ночи, он думал, как подойдет к родному дому, как постучится в знакомую дверь, и откроет ему мать, родная мама, безденная старушка. Он обнимет и крепко прижмет ее к своей груди... С каким наслаждением он думал об этом моменте, об этом счастье.

Но получилось не так. Он - то дома, а дома - никого... Василий присел на кровать, на которой он спал много лет до армии. Как магнитом его потянуло прилечь, ощутить приятную прохладу мягкой пуховой подушки.

Растегнув ворот гимнастерки, Василий лег. И почти мгновенно уснул: бессонная ночь в вагоне взяла свое.

Протяжный деповской гудок оповестил мастеровых о конце работы. Прибрав свои рабочие места, токари, слесари, сверловщики, литейщики, формовщики веселой гурьбой выходили из ворот паровозного депо и растекались в разные стороны на обеденный перерыв...

-Ну как ребята, завершим сегодня? - обратился мастер литейного цеха к собравшимся уходить молодым рабочим. - По нашему ^{вашему} обязательству - сегодня срок.

-Конечно, Григорий Александрович, как всегда! за всех ответил лучший формовщик цеха Лука Гнедых.

-Уж такая привычка у нас, дядя Гриша, раньше срока кончать, - подтвердил слова формовщика молодой плавеельщик, комсомолец Петя Овечкин.

-Верно, Петя, - поддержал литейщик Опонасенко.

-Будьте спокойны, товарищ мастер, - заверила молодая формовщица Ольга Сулова. - Темпов не сдадим, обя-

зательно кончим!

Быстров, смотря на молодых людей с радостью подумал: "Сколько энергии, сколько энтузиазма в них... разве в старое время в нас было это?" - Я всегда был уверен в вас, ребята, - вслух добавил он, и вместе с ними зашагал к выходу. В цехе остался один Овечкин следить за бушующим огнем в вагранке.

Григории Александрович подходил к своему дому.

День был жаркий. Редкие облака парусами белели по небу, изредка заслоняя солнце.

Он постучал. Ему открыла Клава. Григории Александрович, недоумевая, взглянул на хитро улыбающуюся девушку и вошел в комнату. Но не сделав и двух шагов, он замер на месте. Перед ним, разбросав по сторонам руки, на кровати лежал сын. Во сне он улыбался.

-Вася? Васенька!! Родной мой... - старик бросился на грудь сыну. - Ты ли это сынок?! - не веря своему, так неожиданно свалившемуся счастью, он смеялся и плача обнимал Василия. Василии проснулся и крепко прижал к себе отца.

-Папочка, расстроганно шептал он, - папа. В дверях стояла Клава и улыбалась, глядя на радостную встречу отца с сыном. Приезд Василия взволновал ее. Она знала его, конечно, и раньше. Но восемь лет назад она была еще девочкой и не обращала на него внимания. Теперь же она восхищенно смотрела на мужественного фронтовика.

Когда первый порыв радости прошал, Григории Александрович пощипывая бородку, с критическим видом осматривал сына.

-Так-так... И ордена, и морщинки есть... Так, хоро-

шо... Спасибо тебе... Порадовал старика, - с удовлетворением говорил отец. И взглянув в открытые радостные глаза сына, Григорий Александрович тепло обнял его. -Так-так, Вася, приехал, значит...

Довольный осмотром, отец усадил Василия за стол.

-Клаша, а что мать не приходила еще? - спросил он девушку, все еще стоявшую у двери.

-Нет, дядя Гриша, не приходила, - ответила она.

-Вот старая непоседа! - рассердился старик.-И Где ее носит нелегкая. Здесь сын приехал, а она... - Григорий Александрович махнул рукой и открыл шкаф. Время посудой он неодобрительно ворчал: - и Валентина что-то не идет. Что она там до сих пор торчит - не представляю.

Время было начало второго, а дочь приходила из школы в два, но в этот момент Григорий Александрович не хотел признавать никаких причин. Какие там причины - когда сын приехал!

Разложив на столе хлеб, тарелки, ложки, принеся из кладовки большую чашку холодного, он полез в сундук и, вынув оттуда бутылку "русской горькой", он втиснул ее между тарелок.

Василий сидел и с улыбкой наблюдал, как хозяйничает его родитель. "Однако, как его согнуло за это время", - с грустью подумал он.

-За благополучное возвращение, сынок, - подавая Василию стакан, сказал отец, -садись и ты, Клаша, с нами.

Но вышить им не удалось: вошла мать. Увидев сына, она радостно вскрикнула и вдруг покачнулась, схватившись за сердце. -Мамочка! - Василий подхватил мать на руки и, подняв как ребенка, прижался к ней. -Родная моя...

Мать не отвечала, из глаз ее катились слезы.

-Мамочка, - благоговейно произносил дорогое слово сын,
-Мамочка...

Мать открыла глаза и без слов крепко обняла Василия дрожащими старческими руками. А он сгорал от стыда и гнева на себя за то, что не дал с дороги телеграмму, не предупредил мать о своем приезде. Ведь она такая слабая. Он целовал ее в мокрое от слез лицо.

Вдруг в комнату с шумом вбежала Валя. Василий с удивлением посмотрел на стройную девушку. Это была его сестра.

Бросив на кровать портфель, Валя нерешительно подошла к брату. Глаза ее были широко открыты и вопросительно смотрели на Василия.

-Вот это ловко! - весело сказал отец. -Сестра брата не узнала! Да целуйтесь, голуби.

Василий засмеялся.

-Васька! - звонко вскрикнула Валя и крепко обняла брата.

-Стол накрыт, извольте кушать, - скаламбурил Григорий Александрович, улыбаясь в прокопченные табачным дымом усы.

Василий вел за стол рядом с матерью. Отец и Валя разместились напротив, подсела и Клава. Налив маленькие рюмки "горькой", глава семьи вновь поднял тост за здоровье сына и еще раз за победу...

Победив отец стал собираться на работу.

-Программу кончаем сегодня, Вася, - с нескрываемой гордостью объявил он сыну. -Эх и ребята же у меня в цехе, если бы ты знал... Комсомол!! Я всю войну с ними,

и сейчас. Знаешь, они в меня столько силы, столько молодого задора влили. А мне ведь без года семьдесят. А?! И пятилетку сталинскую мы решили с ними завершить не в четыре, а в три с половиной года. Каково?... Ну ладно, сын, ты отдыхай пока, вечером поговорим обо всем, — застегивая спецовку, пообещал отец, и бодро пошел к двери.

Василий посмотрел в след отцу, почему то покраснел. Не говоря ни слова он встал и быстро вышел за отцом.

—Куда ты, сынок? —спросила мать, выбегая за ним.

—С отцом, родная!

Григорий Александрович услышав голос сына, остановился.

—Ты что Вася?

—Мне обидно отец, что предлагаешь мне отдыхать в такое время. Я не устал. Хочу к тебе в цех, посмотреть твоих ребят... Познакомлюсь, да ведь я тоже комсомолец!

"Вот оно новое поколение", — с гордостью подумал старый рабочий, и вслух сказал:

—Идем!

Рука об руку отец и сын зашагали в депо.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Стр.

І с т а т ь и

ПУШКИН - гордость и слава мировой и русской литературы	3
Н. КУВШИНОВ - Пушкин о Ломоносове и Тредиаковском	9
Д. КАРАТАЕВ - Политическая лирика Пушкина	15

П с т и х и

Л. ТОЛМАЧЁВ - Я помню сорок третий год.....	32
Т о м ь	33
У р о ж а й н о е	34
Ночь над городом	35
В. БИТОВ - Студенческая	36
И. СОКОЛ - Ёильнее смерти	37
Г. БРУСЬЯНИН - У ч и т е л ь н и ц а	41
Г. ШОРОХОВА - Небо разгорается зарёю	42

Ш П Р О З А .

А. ЧЕРНОУСОВ - Однажды зимой (рассказ)	45
Алексей РОМАНОВ - Возвращение (рассказ)	55

Редколлегия:

Толмачёв, Горбачевская,
ст. преподават. Досекина Н.И.

Художники:

К. Браславец,
В. Шлёнский.

